
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

А.М. КУЧИНОВ

**ПЕРЕЧИТЫВАЯ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО:
КЛЮЧИ К ПОНИМАНИЮ ПОДХОДА
STRUCTURE-AGENCY**

В то время как датский автор Х. Борк пишет статьи по социологии массового фактора в политике с использованием традиции социологии толпы зарубежных авторов конца XIX – начала XX в., нас заинтересовала фигура дореволюционного социолога Н.К. Михайловского (1842–1904) – автора произведений «Герои и толпа» (1882) и «Борьба за индивидуальность» (1876), в которых у него несколько раньше, чем у зарубежных исследователей, появилось исследование тех же самых проблем – связанных с фактором толпы. Исторический контекст, в котором работал Н.К. Михайловский, сыграл важную роль для содержания его социологической теории. Русские мыслители XIX в. пытались освободить человека от внешних по отношению к нему стягивающих жизнь условий, не позволяющих быть более индивидуальным и свободным, пытались нести прогресс и счастье людям, которые его ожидали, но не всегда могли получить [Михайловский, 1998 а; Развитие социологии в России, 2004]. Им это удавалось благодаря контактам с ведущими зарубежными социологами того времени, например Н.К. Михайловский читал, знал и критиковал позитивистскую социологию Г. Спенсера, создавая оригинальное свое учение, являющееся одной из жемчужин российской национальной социологии. Это созвучно современной проблематике, которая называется другими

терминами: раскрытием гражданского потенциала личности, совершенствованием политической культуры и т.д.

На первый взгляд, разные мыслители традиции социологии толпы не отличаются друг от друга, однако при их внимательном рассмотрении станет ясно, что это не так: иначе бы их не перечитывали современные исследователи. Нас заинтересовало, что Н.К. Михайловский задолго до социологии конца XX в. писал о том, что сейчас называется «интеграцией structure и agencу»¹. Следующая цитата делает возможным для русскоязычного исследователя понимание вопроса structure-agencу: «Пусть с какой-нибудь очень возвышенной и вполне оправдываемой логикой точки зрения великий человек есть даже просто нуль или самое большее бессознательное орудие осуществления высших и общих исторических законов; пусть его деятельность должна изучаться с точки зрения этих общих законов; но кроме них существуют же какие-нибудь частные законы отношений между великим человеком и движущейся за ним массой» [Михайловский, 1998 б, с. 6]. Здесь «человек и его деятельность» – это близкий феномен к agencу, а «высшие и общие исторические законы» – к structure. Благодаря этой цитате становится понятен вопрос о теориях structure-agencу: они о том, что творит историю – люди (agencу) или объективные законы истории (structure).

В связи с тем что учение Н.К. Михайловского – о толпе, понятно, как связать традицию социологии толпы с подходом structure-agencу. В толпе у человека снижается agencу, он становится уязвим перед существующим над ним давлением структуры (или культуры).

У Н.К. Михайловского есть этическое разграничение личностей, ведущих людей за собой. Герой – это любой ведущий людей за собой человек, великий человек – ведущий к добродетели: «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу,

¹ «Structure» переводят на русский язык как «структура», общепринятого перевода «agencу» на русский язык нет. В связи с тем, что в одной из применяемых в статье теорий – теории морфогенеза М.С. Арчер, разграничение «agencу», «action», «activity» принципиально; «agencу» не будет переводиться на русский язык в этой статье.

способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным» [Михайловский, 1998 б, с. 7].

«Что такое собственно великий человек? Полубог, с одной точки зрения, он может оказаться мизинцем левой ноги – с другой. Это и само собой понятно, ибо требования, которые могут быть предъявлены великому человеку мной, вами, пятым, десятым, чрезвычайно разнообразны. Это и в истории случалось, что великий человек для одних был полным ничтожеством в глазах других. Без сомнения, всякий мыслящий человек может и должен выработать себе точку зрения для оценки великих людей в смысле большего или меньшего количества блага, внесенного ими в сокровищницу человечества. Но, имея собственное свое мерило величия, вполне пригодное для тех или других целей, мы не можем им руководиться при изучении поставленного нами вопроса» [Михайловский, 1998 б, с. 7]. Говоря языком современной теории, Н.К. Михайловский предлагает ценностный релятивизм при определении героев и великих людей. Согласно современной теории морфогенеза М.С. Арчер [см.: Арчер, 1999; Archer, 1995; Archer, 2000; Archer, 2003; Archer, 2004], это же можно объяснить как системные и несистемные элементы культуры, которые она разграничивает в опоре на подходы Д. Локвуда (система и несистема) [см.: Lockwood, 1976] и Д. Блур – Д. Барнса («сильная программа», предполагающая релятивизм при определении системы и несистемы) [см.: Bloor, 1976].

Можно привести конкретный пример, что в начале XVII в. в России героями были многие самозванцы, К. Минин и Д.М. Пожарский (все из них были способными вести за собой людей, т.е. были «героями» в терминологии Н.К. Михайловского); но если взять (в опоре на релятивистский подход) критерий культурной системы как «идеи, способствующей освобождению России от иностранного влияния», то из всех этих «героев» «великими людьми» будут только К. Минин и Д.М. Пожарский.

Далее, с помощью интеграции социологии толпы Н.К. Михайловского и теории морфогенеза М.С. Арчер мы можем исследовать разных героев / великих людей – как взаимодействие системных и несистемных конфигураций. Герои с толпой, таким образом, могут быть рассмотрены в теории морфогенеза, как герои (или толпы) в системе или не в системе.

Н.К. Михайловский упоминает и то, что поступки толпы могут противоречить общепринятым моральным нормам: «...зараза толкает людей или к поступкам нравственно безразличным, или же подлежащим осуждению с точки зрения какой бы то ни было системы морали» [Михайловский, 1998, с. 55]. Таким образом, толпа, по теории морфогенеза, не входит в имеющуюся культурную систему, а является случайной, и в зависимости от взаимодействия системы и несистемы изменяет культурную систему.

В этом ключе, интересно положение о том, как появляются герои: «Без сомнения, великие люди не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания» [Михайловский, 1998, с. 6]. Среда может быть рассмотрена как структурные и культурные факторы. Одни конфигурации структуры (и культуры) создают героев и толпу, другие – нет. Это ключ к возможным будущим исследованиям толпы в подходе structure-agency, поиску структурных (и культурных) факторов толпы.

Михайловский называет такие структурные (и культурные) факторы: «... во всех подобных (толпе. – А. К.) случаях на человеческую душу влияют очень разнообразные мотивы, но в числе их, притом заглушая иногда все остальные, действует и склонность к подражанию и повиновению. А эта (к толпе. – А. К.) склонность воспитывается теми же условиями, которые определяют автоматическое подражание и повиновение гипнотизированного субъекта: скудостью, постоянством и однообразием впечатлений. Это и есть суть необходимые условия для образования того, что мы согласились называть „толпой“» [Михайловский, 1998, с. 73]. Здесь же следует упомянуть, что Н.К. Михайловский отмечал, что «ощущение» – это логарифм от впечатления, субъективная ценность чего-либо для человека равна результату деления некоей абсолютной ценности на достаток [Михайловский, 1998, с. 247–249]. По этой математической модели можно было бы рассчитывать депривацию, которая порождает толпу. Этим Н.К. Михайловский, как и многие другие дореволюционные русские социологи, обосновывал необходимость освободить личность [Михайловский, 1998, с. 250–265].

Н.К. Михайловский указывает на то, что толпа может подражать уже не живущему герою: герой может умереть, но остается подражание ему [Михайловский, 1998, с. 8]. Следует отметить, что

Н.К. Михайловский, в отличие от некоторых других представителей социологии толпы, не сводил все общественные отношения к феномену подражания, называл такой подход «нелепостью» [Михайловский, 1998, с. 37–38]. На примерах из средневековой истории Н.К. Михайловский показывает, что толпа может существовать без героя, но она будет толпой без программы [Михайловский, 1998, с. 39–41]. И особо следует отметить, что Н.К. Михайловский один из немногих исследователей, кто акцентировал внимание на то, что не все люди при виде толпы начинают подражать: кто-то будет подражать, а кто-то – рефлексировать происходящее. Он подкрепляет свои аргументы биолого-психологической теорией: восприимчивость к подражанию зависит от сложности психики [Михайловский, 1998, с. 56–59].

Мы увидели оригинальность социологии толпы Н.К. Михайловского и думаем, что его теорию тоже можно использовать для исследований современных процессов в России и зарубежных странах. Современный мир в целом, в эпоху Интернета с его интенсивной коммуникацией («виртуальная толпа»), в эпоху глянцевого журналов, в эпоху привлекательных людей на телевидении и в других СМИ, может исследоваться как толпа. Многие из явлений современной общественной жизни от рынка до политического протеста целесообразно исследовать в традиции социологии толпы. И теория Н.К. Михайловского здесь – одна из многих подходящих, более того, благодаря своим положениям пригодна для интеграции с подходом *structure-agency*.

Список литературы

- Archer M.S.* Being human: the problem of agency. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – X, 323 pp.
- Archer M.S.* Culture and agency: the place of culture in social theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – XXIX, 351 pp.
- Archer M.S.* Realist social theory: the morphogenetic approach. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – VII, 354 pp.
- Archer M.S.* Structure, agency and the internal conversation. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – X, 370 pp.
- Bloor D.* Knowledge and social imagery. – L.: Routledge&Paul, 1976. – XII, 156 pp.

-
- Lockwood D.* Social integration and system integration // *Social change: Explorations, diagnoses, and conjectures* / Ed. by G.K. Zollchan, W. Hirsch; With an Introduction by Don Martindale. – N.Y.: John Wiley & Sons, 1976. – P. 370–383.
- Арчер М.С.* Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О.А. Оберемко // *Теория общества: Сборник* / Пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общая ред. А.Ф. Филиппова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. – С. 157–195. [*Социологический журнал*. – М., 1994. – № 4. – С. 50–68].
- Михайловский Н.К.* Борьба за индивидуальность // Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии: В 2-х тт. / Отв. ред. В.В. Козловский. – СПб.: Алетейя, 1998 а. – Т. 2. – С. 229–385.
- Михайловский Н.К.* Герои и толпа // Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии: В 2-х тт. / Отв. ред. В.В. Козловский. – СПб.: Алетейя, 1998 б. – Т. 2. – С. 5–92.
- Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века): Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Социология» / Под ред. Е.И. Кукушкиной. – М.: Высшая школа, 2004. – 455 с.